

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛУИЗЫ МИШЕЛЬ

Французский ежегодник 1972

М.: Наука. 1974. С.117-128

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

Если верить «Мемуарам» Луизы Мишель, то ни ее философские, ни ее политические воззрения практически не изменялись от эпохи детства до смерти, хотя она и не отрицает некоторых не выходящих из общего русла изменений — следствий жизненного опыта. Вопреки некоторым из ее биографов, например Эдит Тома, мы считаем, что ее жизнь была, действительно, отмечена удивительным единством мысли. И если в своих «Мемуарах» она порой замалчивает иные из юношеских своих сочинений и даже поступков (в дальнейшем изложении мы в этом убедимся), то делает это, конечно, не с тем, чтобы ввести кого-либо в заблуждение, а просто потому, что не придает им значения, и потому еще, что ее непрерывная борьба с буржуазией не оставляла ей досуга обращать внимание на мелочи. Луиза Мишель прежде всего — боец.

Внимательное изучение ее работ позволяет установить три главных этапа ее идейного развития: христианский идеализм, безотносительный к политическим формам государства; республиканский гуманизм, доходящий до концепции более или менее утопического социализма и безоговорочного вступления в революционную борьбу; развитие анархистских взглядов после возвращения из ссылки. Однако абсолютизировать эту схему не стоит. Жизнь вообще не распадается на отрезки, а жизнь столь содержательная, как у Луизы Мишель, тем более течет, не нарушая преемственности развития. И если мы устанавливаем названные здесь этапы, то делаем это единственно в интересах удобства изложения.

* * *

По нашему мнению, Эрнест Жиро очень хорошо определяет эволюцию Луизы Мишель. Он пишет:

«Родившись в эпоху, проникнутую духом христианского республиканизма, воспитанная в среде мыслящего карбонаризма, она собственными силами сумела уловить логику развития современной мысли: прошла через патриотизм Дантона, отголоски которого звучали еще у Леру и Прудона в 1848 и в 1851 гг.; воспевала христианский социализм Сен-Симона и Ламенне в 1863 и в 1865 гг.; всем сердцем отдалась республиканскому оппортунизму и боролась с цезаризмом вплоть до 1870 г., когда она стала, подобно Бланки, *чистопробным* патриотом, чтобы прийти в конце концов к Коммуне с интернационализмом Потье, Ферре, Деррера, который ныне порочат «приказчики от социализма». Разгром же Коммуны привел ее к анархизму. В своей лекции, озаглавленной «Как я стала анархисткой», она заявляет: «То, что республиканцы, социалисты, деятели Коммуны не могли использовать власть, означает, что власть ничего ни стоит, что она ни к чему не годна, что она мертва»¹.

¹ E. Girault. La bonne Louise. Psychologie de Louise Michel. Paris, 1906, p. VI.

Сама Луиза Мишель в эти детали не вдаётся. Для нее ее «жизнь» складывается из двух совершенно не схожих друг с другом частей, полностью одна другой противоречащих: первая — одни лишь мечты и учение, вторая — одни лишь дела, как будто надежды эпохи покоя стали явью в эпоху борьбы².

И это в самом деле так и было.

Политическая мысль впервые зазвучала в сочинениях Луизы, появившихся в 1850 г. (которые она не считает нужным упоминать в своих «Мемуарах»). Ей в то время едва минуло 20 лет, но она уже переписывается с Виктором Гюго. Она послала писателю поэму «К Родине», где приняла сторону «зачинщиков беспорядков» в мае 1849 г. и протестовала против закона о ссылках. Но принципиальной республиканкой, какой она станет позже и какой, по ее словам, она была якобы всю жизнь, в ту пору она еще не была.

Пока еще во имя свободы, она мерила весь мир одной мерой.

На таких же дрожжах замешены и ее стихи, появившиеся в прессе департамента Верхняя Марна. Без обиняков говорит в ней ее правоверный католицизм. Когда от руки священника в Сент-Этьенн-дю-Мон (присоединившегося к империи и преданного анафеме Виктором Гюго) погиб монсеньер Сибур, Луиза адресовала упреки только Парижу.

Может показаться, будто подобные мотивы удаляют нас от классического образа Луизы Мишель — непримиримой революционерки. На самом же деле они только приближают нас к нему. Ведь, действительно, как могла бы она стать социалисткой, не испытав любви к человечеству?

Политическое мышление Луизы начинает развиваться тогда, когда она, обосновавшись в Париже, испытывает воздействие новых влияний. Свидетельство, приводимое Шэншелем, по нашему мнению, отлично проясняет этот вопрос и тем лучше, что исходит из лагеря противника: «Двадцать лет тому назад... одна учительница, давно уже пользовавшаяся некоторой известностью в квартале Бастилии, познакомила меня с Луизой де Майи. Этим именем продолжали еще называть Луизу Мишель друзья ее детства и односельчане; в Париже она носила его много времени спустя после смерти деда. Дамы эти, деятельные и весьма сострадательные католички, сочувствовали *без разбора всем обездоленным*. Луиза отдалась этому делу со всем пылом самоотверженности, и это погубило ее».

Луиза знакомится с Виктором Гюго:

«... «Отверженные» только что были изданы, и автор переслал их ей через одного из жрецов независимой мысли, связавшего ее с вождами *братьев и друзей*. С этого момента политика и начинает тревожить ее причудливое воображение, и отныне нет для нее больших горемык на земле, чем люди из народа. Надо народ просвещать, надо для народа писать... Пока воспитательный дом на улице Шато д'О оставался под началом старой учительницы, Луиза лишь изредка могла встречаться с новыми своими друзьями; но недуги вынуждают хозяйку пансиона уйти. Луиза уходит вместе с ней и с присущей ей преданностью заботится о ней до самой ее кончины. Тут эти господа, обрадованные возможностью легко завладеть жертвой, обеспечивают ее уроками и начинают использовать ее для привлечения других *передовых умов* среди женщин. Республиканок всегда было мало. Господин Франколен, один из преподавателей педагогики с улицы Отфёй, бог знает как, завладел ею и заставил плясать под свою дудку. В то время школа переживала период большого оживления. Оставив утопии о женщинах-медиках и женщинах-депутатах, женщины по-настоящему образованные и деловые

² «Mémoires de Louise Michel, écrits par elle-même». Paris, 1886, p. 4.

пытались обновить методы преподавания, совершенно неудовлетворительные и порочные. Нам особенно хотелось ввести обучение устное, как оно ныне практикуется во всех курсах. После ряда более или менее откровенных враждебных действий господ с улицы Отфёй разослали всем учительницам Парижа циркуляр, приглашавший их на конференцию с целью отыскать, наконец, сообща практические пути достижения желаемого результата. Мы толпой явились туда. Имена лиц поистине уважаемых могли бы быть здесь названы. Эти господа тоже добились пропуска. Все мы приняли на себя расходы по ассоциации. Был назначен день чтения уставов. Между тем все перешептывались и спрашивали друг друга: чего же от нас хотят? Заседание, на котором заслушивались уставы, оказалось бурным. Женщин можно обмануть лишь тогда, когда они хотят быть обманутыми. Мы не скрывали своих желаний, потребовав школы без бога. Наступило третье заседание. Луиза была вынуждена признаться мне, что число их не достигло и десяти. Это не ослабило ее преданности делу *народного образования*, и Франколен убедил ее уговорить учительниц организовать в парижских кварталах чтение лекций для женщин из народа после рабочего дня. Как мы ни пытались отвлечь ее от этого красивого проекта, все было тщетно. Она приступила к чтению лекций на Монмартре, и это положило начало ее общественной карьере»³.

Луиза Мишель сама признает перемены, происшедшие в ней в эту пору. Рассказывая в «Мемуарах» о посланных Виктору Гюго стихах, она пишет:

«Я отослала Виктору Гюго в его изгнание стихи, которые мне показались наиболее удавшимися.

Теперь это давно прошедшие времена (выделено нами.— П. Д.), времена, когда я из Вронкура посылала ему стихи, а мэтр снисходительно называл их нежными, как мой возраст [...] Сегодня то, что посылалось ему в ту пору, пахнет тленом...»⁴

В 1858 г. она еще обращается к императору, прося его о помиловании Орсини, но в 1861 г. ее республиканские чувства уже окончательно определились. Она ждет, когда пробьет час революции.

Во то же время и социальные ее чаяния, хотя пока еще и очень смутные, еще овеянные христианской сентиментальностью, принимают понемногу более конкретную форму. Она описывает *нищету* Парижа (стариков, «лишённых и сна и крова»; женщин, отыскивающих среди отбросов что-либо съедобное, что не стали бы есть даже собаки), нищету Руана, где дети рабочих умирали от голода⁵. Но как ни отчетливо звучат ее ссылки на «красное знамя», все же Луиза пока еще сохраняет верность 1793 г.

Ненависть к империи («в то время тирания имела лишь одну голову, мы жили грезами о будущем, человек Декабря казался нам единственной препоной на пути к свободе»⁶) служила тогда и для Луизы Мишель, и для всех, с кем она общалась, и политической программой, и нравственным убеждением. В эту пору она, конечно, была гораздо ближе к Жюлю Фавру и Эжену Пельтану, Рошфору, мечущему молнии против Наполеона III в «La Lanterne», и республиканцам «Марсельезы», чем к революционерам, заложившим в 1861 г. основы I Интернационала. В самом деле, она не видела разницы между неоякобинцами, бланкистами и «интернационалистами». Все они были республиканцами. «Никто из нас не представлял себе тогда ничего, что могло бы сравнить-

³ Ch. Chinchelle. Les survivants de la Commune. Paris, 1885, p. 137—143.

⁴ «Mémoires...», p. 89—90.

⁵ Louise Michel. Oeuvres posthumes, vol. I, p. 38—43, 49.

⁶ L. Michel. La Commune. Paris, 1898, p. 17—18.

ся с преступлениями империи... Сколь многие тогда желали бы вырвать из груди свое кровоточащее сердце, чтобы бросить его в лицо чудовищу в образе императора! Сколь многие тогда твердили с холодной решимостью эти строки из «Возмездий»:

Гармодий, пробил час:
Ты смело можешь поразить тирана! ⁷

* * *

На политической эволюции Луизы Мишель в последние годы империи непосредственно сказалось развитие идей той эпохи. Поражение революции 1848 г. и «чистка», последовавшая в 1851 г., оставили тяжелый след в сознании рабочих. Ветераны социального движения не могли, разумеется, сочувствовать Наполеону III, но в первый момент они восприняли государственный переворот как славную шутку, которую сыграли с преследовавшими их буржуазными депутатами.

Рабочий класс, тогда еще весьма немногочисленный, усилению которого отнюдь не способствовали вливавшиеся в него в большом количестве крестьянские элементы и носители крестьянской идеологии, очень медленно продвигался по пути осознания своей собственной роли. «Коммунистический Манифест», появившийся в 1848 г., был почти не знаком рабочим, и влияние Прудона (его книга «О федеративном принципе» появилась в 1862 г.) было господствующим.

Прудон был выразителем идеологии мелкой буржуазии, над которой тяготел, с одной стороны, страх перед социальной революцией, угрожавшей, по ее мнению, ее иллюзорным привилегиям, а с другой — страх перед гнетом капитализма, который ее разорял и уничтожал. Отсюда обличение «крайностей» капитализма, т. е. промышленной концентрации, разорявшей мелких производителей. Но сущность системы, т. е. эксплуатация труда, не затрагивалась. Прудон предлагал рабочему классу самому организовать как в городе, так и в деревне федерации, которые, по его мнению, сгруппировав все экономические силы, должны превратиться в политические сообщества. Форма буржуазного государства в его глазах не имела почти никакого значения, а выборы были не чем иным, как «механизмом обмана», способным лишь отвлечь рабочих от настоящей борьбы. Довольно симптоматично, что эти мысли можно обнаружить и у Луизы Мишель, пришедшей к анархизму, и что еще и сейчас те, кто отстал от жизни на сто, если не на полтора года лет, твердят о «рабочей власти» в рамках капитализма, одновременно кричат: «Выборы — это предательство!»

Вся эта в высшей степени путаная идеология была выгодна только императору, поскольку она фактически допускала любые компромиссы с буржуазией, на угнетательскую сущность которой закрывала глаза. Буржуазия же, конечно, не упускала случая этим воспользоваться. Принц Наполеон, по прозвищу Плон-Плон, установил связь с Толеном, тогда видным прудонистом⁸, и с помощью «поворота влево» сумел нейтрализовать требования рабочих ценой нескольких безобидных уступок. В 1862 г. император послал в Лондон на конгресс тред-юнионов 200 рабочих во главе с Толеном [в качестве помощника секретаря Рабочей

⁷ L. Michel. La Commune, p 17—18.

⁸ Анри Луи Толен (1828—1897), рабочий, гравер по бронзе, в 1865 г. стал одним из трех первых секретарей-корреспондентов I Интернационала. Избранный в 1870 г. депутатом от департамента Сена, он принял участие в заседаниях Национального собрания в Бордо, но потом возвратился в Париж, где подписал воззвание по поводу выборов 26 марта 1871 г. В результате разногласий с Коммуной присоединился к версальцам. Федеральный совет французских секций Интернационала, а затем и лондон-

комиссии]. Наполеон III не возражал бы против того, чтобы французский юнионизм, вдохновляемый английскими традициями и опирающийся на французскую рабочую «элиту», предложил ему свою поддержку.

В 1864 г. рабочие лидеры одобряют «Манифест шестидесяти», который делает упор на синдикалистских требованиях в ущерб политическим реформам: «Пусть не обвинят нас в том, будто мы мечтаем об аграрном законе, о химерическом равенстве, всех без разбора укладывающем на Прокрустово ложе, о разделе, максимуме, о принудительном налоге и т. п. Нет! С подобными оговорами давно пора покончить: их распускают наши противники, а принимают на веру невежды. Свобода труда, кредит, солидарность — таковы наши мечты. В день, когда во имя славы и процветания столь дорогой нам отчизны они осуществляются, не будет больше ни буржуа, ни пролетариев, ни хозяев, ни рабочих. Останутся одни лишь равные в правах граждане»⁹.

Эти «мечты» мало тревожили Наполеона III; найдя себе опору в крестьянстве, он старался теперь воздвигнуть некий «социальный цезаризм» в качестве противовеса росту рабочего движения. После государственного переворота стачки, несмотря на репрессии, фактически не прекращались (в Лионе, Лиможе, Сент-Этьенне, Руане, в департаментах Нор и Па-де-Кале, в Париже), а после 1859 г. рабочие потребительские и производственные организации становятся все многочисленнее. Движение за осуществление рабочих требований продолжается, 25 мая 1864 г., несмотря на ряд ограничительных статей, становится легальной доселе запрещенная и преследовавшаяся «коалиция», т. е. рабочая организация синдикалистского толка. Что касается Прудона, то он продолжает выступать против стачек, и Маркс вскоре разоблачит его «диалектику», которая есть не что иное, как поиски примирения, равновесия между противоречиями¹⁰.

Итак, Французская секция Интернационала, родившаяся 28 сентября 1864 г., оказалась в руках прудонистов. Эти последние, само собой разумеется, вдохновляются идеями своего мэтра. Но характер рабочего движения становится все более боевым, стачечное движение растет, таким образом практика рабочего движения очень скоро выбивает почву из-под ног прудонистов. Французская секция Интернационала постепенно начинает поддерживать стачечников. В конце 1867 г. состоялся первый процесс членов Интернационала. За ним последовали другие¹¹.

Подлинные марксисты во Французской секции Интернационала — а они были очень немногочисленны — находят себе союзника в лице Бланки, который разоблачает мютюалистские иллюзии Прудона: «Кооператив — это приманка, иллюзия, мираж, предлагаемый в качестве цели рабочим, которые, надеясь овладеть реальностью, схватывают лишь призрак». На Базельском конгрессе 1869 г. бланкистское влияние нанесло новые удары прудоновской кооперативной системе. Бланки скажет: «Коммунистическая идея одержала победу, разбила индивидуализм, и в буржуазном лагере веселость уступила место растерянности».

Тем не менее Бланки сохранял враждебность по отношению к Парижской секции Интернационала, которую он считал чересчур прудонистской. Искренний сторонник социализма, он игнорировал экономические проблемы и недооценивал массовую борьбу пролетариата. Он считал, что захват власти может произойти только в результате действий под-

---

ский Генеральный совет исключили его за измену. Он окончил свои дни в обличье весьма покладистого сенатора Третьей республики.

⁹ Полный текст см.: А. Thomas. Le second Empire («L'Histoire socialiste» de Jean Jaurès, vol. X, p. 216—223).

¹⁰ Особенно в «Нищете философии».

¹¹ По всем этим вопросам см. «Парижская Коммуна 1871 г.», под ред. Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсана. М., 1964.

польных групп, организованных по-военному и умеющих использовать благоприятный случай. Взгляды такого рода обнаруживаются и у Луизы Мишель после ее возвращения из ссылки. Ее романтизм отлично уживался с теорией героических акций.

Но бланкисты все-таки оставались «бланкистами», в том смысле, какой сохранило это понятие. К концу империи Бланки признал важность рабочих стачек и начал их поддерживать. Вдохновляясь идеями Бабефа, он способствовал развитию социальных идей, которые нашли свое осуществление в дни Коммуны. Бланкисты утверждали, что «при существующей организации труда большинство работает, не потребляя, а меньшинство потребляет, не работая». Они критиковали буржуазную семью, которая, по их словам, строится на тираническом господстве мужчины, на порабощении женщины и ребенка (тогда как Прудон восставал против равенства мужчины и женщины); они показывали, что собственность, демократизированная революцией 1789 г., вновь стала достоянием одного только класса; они обвиняли капиталистическое общество в порождении безработицы и мракобесия; они разоблачали софизмы, возведенные вокруг понятия *свободы*.

Все эти темы развиваются бланкистами начиная с 1868 г. в ходе бесчисленных собраний. Весьма вероятно, что Луиза Мишель (хотя сама она и не упоминает об этом) присутствует на некоторых из них. Во всяком случае очевидно, что идеи бланкистов оказали на нее решающее влияние. Их можно обнаружить во многих ее сочинениях.

Луиза принимала участие в похоронах Виктора Нуара. В последующие дни она выступила в защиту арестованных бланкистов. Вряд ли будет ошибочным утверждение, что к 1870 г. бланкистские идеи занимали преобладающее место в ее философских и политических взглядах. И вкус к конспирации, который укрепляется в ней, смешиваясь с воспоминаниями о Великой революции, о якобинском патриотизме, и своеобразный социальный бабувизм — все это восходит, вне всякого сомнения, не только к Вронкуру и к деду Демаи, как она старается это показать в своих «Мемуарах», но также и прежде всего — к развитию идей того социализма, к которому, пока еще оцупью, прокладывает путь Парижская Коммуна.

* * *

Примыкала ли Луиза Мишель к Интернационалу? Она дает основания для такого предположения, хотя ни один определенный документ его не подтверждает. В своей книге о Коммуне она вспоминает о рождении I Интернационала, возникшего в «нужный момент»¹². Помещения, где заседали парижские секции, она описывает так, как если бы сама там присутствовала: «Когда, чуть ли не в самый канун 1871 г., поднимались по пыльным лестницам этого дома на площади Кордери-дю-Тампль, где собирались секции Интернационала, можно было подумать, будто всходишь по ступеням храма. Но это действительно был храм — храм свободного мира»¹³.

Представ перед версальским военным судом, она заявила, что состояла членом Интернационала, «но, — добавила она, — бесполезно обращаться ко мне с какими бы то ни было вопросами по поводу этого общества, потому что отвечать на них я не буду»¹⁴. Правду ли она говорила? Это возможно, хотя и не установлено. В самом деле, в это время Луиза бе-

¹² L. Michel. La Commune, p. 26.

¹³ Ibid., p. 27.

¹⁴ Archives du ministère de la Guerre (далее — A. G.), VI, 135 (35) Interrogatoire du 19 septembre 1871.

рет на себя любую вину (Ферре уже был осужден, и она искала смерти), и уже доказано, что она очень охотно оговаривала себя. Как бы там ни было, но совершенно очевидно, что в это время она была очень близка к членам Интернационала. И ясно, что ее *интернационалистские* чувства, которым она никогда не изменяла, именно тогда очень прочно укоренились в ее сердце.

В своей истории Коммуны она приводит полный текст обращения, который французские члены Интернационала направили накануне войны немецким рабочим:

«Немецкие братья!

Во имя мира не слушайте подкупленных или подневольных голосов, которые пытаются обмануть вас, искажая истинные стремления Франции.

Останьтесь глухи к безрассудным провокациям, ибо война между нами была бы братоубийственной войной.

Сохраняйте спокойствие, как это может сделать, не роняя своего достоинства, великий и храбрый народ.

Вражда между нами приведет лишь к полной победе деспотизма на обоих берегах Рейна.

Испанские братья, 20 лет тому назад мы тоже верили, что восходит заря свободы; пусть же история наших заблуждений послужит вам хотя бы примером. Сегодня еще хозяева собственной судьбы, не склонитесь, подобно нам, под ярмо новой опеки...

Рабочие всех стран! Чем бы ни закончились наши общие усилия, мы, члены Международного товарищества рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, посылаем вам как залог нерасторжимой солидарности лучшие пожелания и привет от рабочих Франции.

Французские члены Интернационала»¹⁵.

Она приводит и ответ немецких членов Интернационала и заключает: «Эти справедливые требования были заглушены воинственными воплями имперских банд обеих стран, которые гонят впереди себя на всеобщую бойню и французское стадо, и стадо немецкое. Пусть же кровь пролетариев двух стран скрепит союз народов против их угнетателей!»¹⁶

Можно заподозрить Луизу Мишель в том, что она задним числом приписала себе чувства, которых в описываемое время не испытывала. Но кто это сделает — ошибется. Летом 1870 г. Луиза участвует в манифестациях за мир, и ее умонастроение не оставляет никаких сомнений. Как раз по возвращении с одной из этих манифестаций она пишет свою большую поэму «Манифестация мира», проникнутую горячим чувством интернационализма¹⁷.

И много позже все те же идеи вдохновляли ее. Так, в лекциях, читанных в 1886 г., она восставала против антинемецких реваншистских настроений, столь распространенных в то время, и проповедовала союз между французским народом и народом Германии, который нельзя отождествлять с императором Вильгельмом и Бисмарком. Немецкие и французские социалисты должны не воевать друг с другом, а объединиться в общей борьбе против их буржуазии¹⁸.

* * *

Интернационализм Луизы Мишель не противоречит, по крайней мере в 1870—1871 гг., патриотизму якобинского типа. Когда Луиза пишет, что в комитете бдительности Монмартра «чувствуешь себя свободным одновре-

¹⁵ L. Michel. La Commune, p. 35—36.

¹⁶ Ibid., p. 38.

¹⁷ «Mémoires...», p. 160—161; L. Michel. La Commune, p. 23.

¹⁸ Archives de la Préfecture de Police, Ba 1185, 1187 (entre autres).

менно и от прошлого, ибо стараешься не слишком копировать 93-й год, и от будущего, ибо не страшишься неизвестного»¹⁹, то она высказывает мнение, разделяемое, несомненно, всеми деятелями Коммуны.

И все-таки именно дух 93-го года воодушевлял ее в августе 1870 г., когда она участвовала в манифестации женщин перед ратушей, требуя оружия и выступления на помощь осажденному пруссаками Страсбургу: «Это происходило в дни осады, со мной была г-жа Андре Л...²⁰ Мы призывали добровольцев идти, несмотря ни на что, в агонизирующий Страсбург, чтобы предпринять последнюю попытку или погибнуть вместе с ним. Добровольцы явились в большом количестве. Длинной колонной мы пересекали Париж с криками: «На Страсбург! На Страсбург!» Мы отправились поставить свои подписи в книге, раскрытой на коленях статуи Страсбурга, а оттуда к ратуше, но здесь нас арестовали, меня, г-жу А. Л. и маленькую старушку, пересекавшую площадь, чтобы нарвать травы, и смешавшуюся с манифестантами... Я пыталась объяснить вошедшему добродушному толстяку, в чем было дело. «Но какое вам дело до того, падет Страсбург или нет, раз вы не находитесь в нем?» — спросил меня этот напыщенный глупец, явившийся из любопытства поглазеть на нас. Один из членов временного правительства приказал освободить нас. В этот именно час и пал Страсбург»²¹.

Поражение французской армии наполнило ее гневом, и она излила его в стихах, где Красное знамя и 93-й год воспеты как два истока Коммуны²².

Порывы Великой революции, героика долга были свойственны духу Луизы. Она устремляется в тиры на ярмарках²³. В комитете бдительности, на ее председательском столе лежит «маленький старый пистолет»; «он так удобно положен, что, будучи схвачен в нужный момент, часто усмирал людей порядка, которые являлись, стуча о пол прикладами ружей с примкнутыми к ним штыками»²⁴.

Она пишет о 31 октября 1870 г.: «Известия о поражениях, невероятная ложь, с помощью которой правительству хотелось бы их скрыть; решение выстоять во что бы то ни стало и тайная сдача — все это произвело действие ледяного потока, устремившегося в кратер раскаленного вулкана. Задыхались в горячем дыму, в пламени. Париж, не желавший ни сдаваться, ни быть сданным и сытый по горло ложью властей, восстал. И тут 31 октября, подобно тому как 4 сентября кричали: «Да здравствует республика!», раздались крики: «Да здравствует Коммуна!»»²⁵.

* * *

Если верить этим словам, Коммуна была для Луизы Мишель прежде всего патриотическим порывом, что, впрочем, не лишено истины. Но обладая большой политической проницательностью, она не остановилась на этом. «Мэрия Монмартра, — писала она, например, — с Жакарлом, Дерёром и Лафоном в качестве помощников Клемансо какой-то момент заставила реакционеров трепетать. Они очень скоро успокоились: в обветшалом механизме империи, который под новыми ярлыками продолжал прежнее

¹⁹ L. Michel. La Commune, p. 110.

²⁰ Речь идет об Андре Лео, журналистке, подписывавшейся, как тогда было принято, мужским именем; ее настоящее имя — Леони Шампсе, урожденная Бреа (1832—1900); писательница и журналистка, она, как и Луиза Мишель, входила в комитет бдительности Монмартра. Она сыграла видную роль в женском движении во времена Коммуны.

²¹ «Mémoires...», p. 185—186.

²² A. G., VI, 135 (4), цит. по: Edith Thomas. Op. cit., p. 78.

²³ L. Michel. La Commune, p. 92.

²⁴ Ibid., p. 111.

²⁵ Ibid., p. 99.

перемалывание обездоленных, самая отважная решимость оборачивалась бессилием... Поскольку старые зубчатые передачи только получили новые названия, все осталось, как было. Сменили маску — вот и все»²⁶.

Маркс пришел к такому же заключению. Он сделал из этого вывод, что пролетариат не может *приспособить* к своим нуждам машину буржуазного государства и, следовательно, должен ее *сломать*. Луиза Мишель тоже это отлично понимала.

В целом ее оценка Коммуны сохраняет, конечно, романтический колорит, в ней вновь звучит предчувствие гибели («Это не праздник власти, а торжество самопожертвования. Готовность избранных к смерти была найдена») ²⁷. Вместе с тем она с величайшей проницательностью отдавала себе отчет в главных ошибках, совершенных Коммуной, и многие из ее оценок очень близки к тем, что дали Маркс и Энгельс.

«Федераты, — пишет она, — держались героями. Но этим героям были присущи слабости, зачастую неразлучные с поражением» ²⁸. Или вот еще: после 18 марта победа «была бы прочной, если бы сразу же, на следующий день, всей массой устремились бы в Версаль, куда сбежало правительство... Пусть многие из нас пали бы в пути, зато реакция была бы задушена в своем логове. Но законность, всеобщее избирательное право — вся щепетильность этого рода, которая губит революции, и тут сыграла свою обычную роль» ²⁹.

Луиза Мишель сделала ряд правильных выводов из разгрома Коммуны. В дни пребывания на каторге она уяснила себе, что «наши друзья-коммунары были слишком честными, чтобы решиться стать жестокими, и вся их энергия ушла на то, чтобы принести себя в жертву» ³⁰. Она поддержала манифест изгнанников Коммуны в Лондоне (1874 г.), которые провозгласили:

«Мы революционеры, иначе говоря, *коммунары*, потому что, желая победы, мы добиваемся необходимых для этого средств; потому что, понимая условия борьбы и желая использовать их, мы хотим самой крепкой боевой организации, объединения усилий, не распыления их, а их централизации. Мы революционеры, потому что для достижения цели революции мы хотим силой опрокинуть строй, который держится одной только силой; потому что мы знаем, что слабость, принимая облик законности, убивает революции [*сразу видно, как совпадает эта формула с формулой Луизы Мишель, приведенной выше*], и только сила спасает их; потому что мы понимаем, что надо захватить власть, которую буржуазия столь ревностно оберегает для сохранения своих привилегий; потому что в революционный период, когда все учреждения существующего общества должны быть разрушены, необходимо установить диктатуру пролетариата и сохранять ее до той поры, пока в освобожденном мире не останется никого, кроме равноправных граждан нового общества» ³¹.

Небесполезно припомнить, какие уроки из истории Коммуны извлек Маркс в «Воззвании Генерального совета Международного Товарищества Рабочих», известном под названием «Гражданская война во Франции» (июнь 1871 г.). Три издания этой работы появились в Англии между июнем и концом июля 1871 г. Первый немецкий перевод (его сделал Энгельс) был опубликован в лейпцигской газете «Volksstaat» за период с 28 июня по 29 июля. Газета «L'Internationale», орган бельгийских секций Интернационала, выпустила ее на французском языке, а затем, в июне 1872 г., отдельной брошюрой (9 тыс. экземпляров).

²⁶ Ibid., p. 88—89.

²⁷ Ibid., p. 190. (28 марта 1871).

²⁸ Ibid., p. 257.

²⁹ Ibid., p. 165—166.

³⁰ «Le Libéraire», 17.I 1896.

³¹ Опубликовано в приложении, см.: L. Michel. La Commune, p. 470—481.

Таким образом, не прошло и двух лет после Коммуны, а тысячи экземпляров «Гражданской войны» были распространены на английском, немецком и французском языках³². Естественным следствием этого было то, что Луиза Мишель и знала и разделяла некоторые из основных положений Маркса и Энгельса...

* * *

Нельзя при этом забывать, что после поражения Коммуны Интернационал пережил очень тяжелый кризис, усиленный репрессиями, которые обрушились на него в большинстве стран, где существовали его секции. М. Бакунин, чьи анархистские идеи во многом способствовали ошибкам, совершенным коммунарками, пытался организовать раскол Интернационала. Маркс и Энгельс в циркуляре Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Мнимые расколы в Интернационале» резко изобличали его, показывая, как, опираясь на смешанную социальную базу (деклассированные слои, люмпен-пролетариат, разоренная мелкая буржуазия), он способствует возникновению сект, представляющих собой «детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки»³³. Но идеи Бакунина не прошли бесследно для уцелевших коммунаров; разочарованные, познавшие боль поражения, они часто возводили свое нетерпение в революционный принцип.

В числе таких оказалась и Луиза Мишель. Из того, что прудонисты, бланкисты и неоякобинцы, гордые сознанием своей правоты, не выработали во время Коммуны никакой революционной стратегии, Луиза Мишель делала вывод не о необходимости такой революционной стратегии, на чем настаивали Маркс и Энгельс, а о ее *невозможности*. Ее романтическая любовь к свободе, к социализму, к *революции* приводит ее к софизму, который она излагает совершенно чистосердечно:

«Я много раз рассказывала, как, совершая свое путешествие в Каледонию, я стала анархисткой.

Когда мадам Лемель³⁴ в минуты покоя чувствовала себя сравнительно неплохо, я делилась с ней своими мыслями о невозможности для людей, облеченных властью, каковы бы они ни были, совершить что-либо иное, кроме преступлений, если они слабые и эгоисты, или же погибнуть, если они энергичны и преданы идее; она отвечала мне: «Это то, в чем я убеждена». Я очень верила в прямоту ее души, и одобрение ее было мне крайне приятно»³⁵.

Поскольку люди не могут пользоваться властью, оставаясь честными, нужно упразднить власть. Нет ничего проще. Произведем революцию — и все пойдет как по маслу. Разобьем государственный аппарат и тогда, по «законам притяжения» (изобретенным Фурье), овладевая «без конца все новыми сферами на пути к новым солнцам», мы определим «судьбы людей». Невозможно высказаться яснее...³⁶ Следовательно, вполне ло-

³² См.: «Парижская коммуна 1871 г.». М., 1964, стр. 388.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 30.

³⁴ Натали Перрин Лемель, урожденная Дюваль (1827—1915), играла в дни Коммуны видную роль. Член Интернационала, она занималась народной столовой «Мармит» («Котел») и была активисткой Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными. Осужденная вместе с Луизой Мишель, она, как и Луиза, отказалась от помилования, но в 1879 г. была освобождена. Впоследствии она, по-видимому, не занималась активной политической деятельностью. Умерла она слепой, в нищете, в богадельне Иври.

³⁵ L. Michel. La Commune, p. 407.

³⁶ «Le Libetaire», 17.I 1896. Луиза Мишель прямо не ссылается на Фурье ни в своих «Мемуарах», ни в «Коммуне». По-видимому, теории этого патриарха социализма (1772—1837) вдохновляли ее только в последний период ее жизни, когда ее политические взгляды становятся все более и более смутными и регрессируют к бредовым утопиям. Следует отметить, что «Избранные страницы» Шарля Фурье (с предисловием

гично Луиза Мишель ни во что не ставила всеобщее избирательное право, рассматривая его как ловушку. После 1880 г. она убеждается, что все предшествующие революции были неполноценными, поскольку они были *политическими*. В каждой из них речь шла лишь о том, чтобы на место одних людей поставить других»³⁷. Она принимает фидеистскую концепцию, которая не имеет ничего общего с наукой об обществе: «Я верю в революцию так, как другие верят в Бога». Что же произойдет после революции? «Это меня мало занимает... После революции вдохновение момента породит какую-нибудь великую и плодотворную идею социального обновления»³⁸.

Революция будет международной или ее не будет совсем³⁹. Луиза против отделения церкви от государства, потому что она не признает ни церкви, ни государства⁴⁰. Всеобщая стачка, у которой нет иного вождя, кроме «инстинкта жизни», позволит «вступить во владение». Она начнет сама по себе и сведет счеты с буржуазией. Но парадоксальным образом «двадцать человек, решившись произвести необходимую чистку, делают больше, чем массы целого мира»⁴¹. Луиза то выступает за индивидуальное насилие⁴², то против него⁴³.

Сама Луиза значит гораздо больше, чем те пророчества, которые часто толкали ее на поступки безрассудные, но всегда исполненные благородства. И когда в «Figaro» она заявляет: «Мой идеал и в двадцать лет и еще раньше все тот же, что и сегодня — великое и свободное человечество на свободной земле»⁴⁴ — мы можем ей верить.

**Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна
воспоминания, документы, исследования, публицистика:**

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

Шарля Жюда) были изданы в Париже в 1889 г., т. е. за несколько лет до того, как в сочинениях и речах Луизы Мишель обнаруживаются намеки на его работы. Вместе с тем вполне вероятно, что с главными работами знаменитого утописта она познакомилась тогда, когда их переиздавали между 1840 и 1850 гг., т. е. в эпоху, когда Луиза с жадностью читала все, что попадало ей в руки. Когда она упоминает «законы притяжения», она имеет в виду теорию Фурье, согласно которой существуют «законы притяжения страстей», аналогичные ньютоновским «законам притяжения материальных частиц». «Притяжение страстей,— писал Фурье,— является архитипом (archétype), по образцу которого Бог упорядочил все изменения материи, определил порядок всеобщего движения и движения человечества во всех мирах» (письмо министру юстиции 26 декабря 1803 г.). Каковы бы ни были достоинства работы Фурье, рассматриваемой в рамках его времени, не следует забывать, что с той поры миновало уже более ста лет, и только идейной неразберихой, на которую анархизм обрек Луизу Мишель, можно объяснить ее внезапный интерес к теориям, столь давно устаревшим.

³⁷ *Ch. Chinchelle*. Op. cit., p. 174.

³⁸ «L'Etoile Belge», 22.X 1882 (цит. по: *Edith Thomas*. Op. cit., p. 224).

³⁹ «Le National», 26.I 1886.

⁴⁰ «Le Gaulois», 24.I 1888.

⁴¹ «Le Petit National», 1840 (цит. по: *Edith Thomas*. Op. cit., p. 34).

⁴² «Le Matin», 19.XII 1893.

⁴³ «Le Paris», 14.XI 1895.

⁴⁴ «Le Figaro», 16.IV 1898.